

УДК 101.1:316

ПРОБЛЕМА ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ В НЕМЕЦКОЙ ФИЛОСОФИИ И ТЕОРИИ ИСТОРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX – НАЧАЛЕ XXI века

© 2013 г.

А.А. Линченко

Липецкий государственный технический университет

linchenko1@mail.ru

Поступила в редакцию 15.02.2013

Анализируются основные модели исторического сознания, сложившиеся в немецкой философии и теории истории во второй половине XX века. Произведен сравнительный анализ статических и динамических моделей. Выявлены ключевые тенденции развития проблемы исторического сознания в немецкой философии и историографии в начале XXI века.

Ключевые слова: историческое сознание, исторический опыт, нарратив, идентичность, историческая культура.

Философия истории во второй половине XX века претерпела существенные изменения, что было связано с известным скепсисом о самой возможности метафизических оснований для понимания истории и исторической реальности в ее единстве и целостности вообще. Говоря более широко, складывается новый тип рациональности – постнеклассический, который, подчеркивая историчность самого разума, акцентирует внимание на процессах коммуникации, осуществляемой в определенном социокультурном пространстве и времени, детерминированной исторически конкретными системами ценностей. В отношении исторической науки и философии истории это означало: кризис модели макроистории, учет социокультурной обусловленности знания, приоритет эпистемологических вопросов в философии истории, антропологизацию истории и становление микроистории, мультипарадигмальность. Указанные особенности, присущие философии истории и исторической науке способствовали тому, что проблематика исторического сознания, традиционно являвшаяся объектом интереса отдельных представителей герменевтической и экзистенциальной философии в Германии, получает широкий научный и общественный резонанс. Более того, трагический опыт немецкой истории в XX веке и политика «преодоления нацистского прошлого» вообще превратили проблему исторического сознания в одну из центральных для немецкой социокультурной жизни в послевоенные годы, что, правда, способствовало расширению политических, педагогических и социологических аспектов ее изу-

чения. Примечательно, что если в конце XIX – первой половине XX в. феномен исторического сознания получает прежде всего свое философское осмысление, то во второй половине XX века большинство теоретических описаний и моделей исторического сознания (исключая герменевтику Х.-Г. Гадамера) к попыткам его философского осмысления идут от социально-гуманитарных наук – истории, социологии, политологии и, особенно, педагогики. В рамках последней область педагогического изучения проблем исторического обучения вообще трансформировалась в особую междисциплинарную область знания – дидактику истории. Анализируя дискуссии 60–70-х гг. Й. Рюзен делает вывод о четырех основных направлениях научного поиска в рамках дидактики истории: 1) методология классного руководства; 2) функционирование и использование истории в публичной жизни; 3) основания и цели исторического образования в школе; 4) общий анализ природы, функций и значения исторического сознания [1, р. 282].

Говоря о моделях исторического сознания в немецкой философии истории общественных наук во второй половине XX века укажем на следующие: герменевтическая модель Х.-Г. Гадамера, модель исторического сознания Х.-Ю. Панделя, модель исторического сознания Б. фон Борриса, нарративный подход к историческому сознанию (Ю. Штрауб, К. Кельбль), теории типов исторического сознания и исторической культуры Й. Рюзена. Сразу укажем, что за рамками нашего исследования остаются весьма популярные в современной немецкой

литературе теории исторического мышления исследовательской группы FUER, а также процессная модель исторического мышления В. Хасберга и А. Кёрбера.

Герменевтическая модель Х.-Г. Гадамера

Ключевое значение в развитии представленной об историческом сознании в 1960-е годы в Европе сыграла герменевтика Х.-Г. Гадамера, который пытался превратить герменевтику в универсальную среду гуманитарного знания и культуры в целом. Историческое сознание приобрело у него характер «действенно-исторического». Историческое сознание движется, по его мнению, от релятивности к тотальности. Важная роль категории действенно-исторического сознания может быть выявлена и в том, что именно оно у Гадамера являлось осознанием герменевтической ситуации, ситуации, «где мы стоим перед преданием, которое нам следует понять». В структуре действенно-исторического сознания Гадамер различал: понимание, интерпретацию и применение. Целостность исторического сознания у Гадамера опосредована целостной связью данных операций. Сохраняя онтологический статус понимания, Гадамер представлял его прежде всего как «действенно-историческое свершение», включенность в предание, со-причастность общему смыслу, самопонимание через понимание другого, «событие традиции», реализуемое посредством процедуры герменевтического круга. В структуру понимания органично вплетена интерпретация, которая понималась им не как «нахождение», а как «привнесение смысла», т.е. не в качестве воссоздания первичного смысла текста, а в создании смысла заново [2, с. 221]. Выступающие как «посттворчество», функции интерпретации «растворены» в понимании. Это означало, что, сопрягая горизонты, интерпретация отходила в тень, не теряя своего значения (применение). Временная дистанция имела положительное значение для исследователя, так как «отмирание всех актуальных связей делает зримым подлинный облик произведения и создает тем самым возможность такого его понимания, которое может претендовать на обязательность и всеобщность» [3, с. 352]. Таким образом, налицо троякий характер герменевтического опыта у Г. Гадамера в обращении к «преданию» («Ты»): 1) подход к преданию, оставаясь свободным от него, не затронутым им; 2) «Ты» признается в качестве личности, но, тем не менее, понимание «Ты» остается определенной формой соотносительности с «Я», переигрывание на основе

нашей современности смыслов предания, притязание на превосходящее понимание другого в действительности обеспечивает нашу недостижимость для собственных притязаний этого другого («обыкновенное историческое сознание»); 3) соотношение историчности предания с собственной историчностью, память о предвзвесах современности, «открытость» в отношении вопросов предания (действенно-историческое сознание).

Модель исторического сознания Х.-Ю. Панделя

Одной из самых популярных является модель исторического сознания Х.-Ю. Панделя, которая, однако, мыслилась им в качестве только лишь модели индивидуального исторического сознания и применявшаяся им и исследователями только в отношении детей. По его мысли, историческое сознание конституируется не мыслительными операциями, но различными аспектами осознания или «измерениями», которых он насчитывает семь (сознание времени, сознание действительности, сознание историчности, сознание идентичности, политическое сознание, экономико-социальное сознание, моральное сознание). Каждое из данных измерений сопоставимо с формами общественного сознания, если говорить о них в традиционном марксистском смысле. Разница только в том, что данные семь измерений исторического сознания разделяются Панделем на два больших типа: измерения, отражающие историчность (первые три) и измерения, отражающие общественность (оставшиеся четыре) [4, S. 3–4].

Модель исторического сознания Бодо фон Борриса

Данная модель, как и предыдущая, во многом является статичной, а также ориентированной на личностное отношение к прошлому. Из-за ее восходящего характера она получила название «пирамиды исторического сознания». Также следует указать, что данная модель является «гносеологической» по своему содержанию, хотя и включает в себя эмоциональный, эстетический и нравственный компоненты. Сфера исторического сознания, по мнению Б. фон Борриса, есть крайне индивидуальная сфера. Историческое мировоззрение людей полностью зависит от их личных потребностей, связанных с искусством и состоянием морали. В данном случае колоссальное значение имеет биография человека. В индивидуальном исто-

рическом сознании Бодо фон Боррис выделяет четыре уровня [5, S. 12]: первый уровень представляет сферу неосознаваемого восприятия истории в силу отсутствия о ней даже минимальных знаний, исторический процесс на данной ступени представляется действием эмоциональных всеохватывающих сил, детерминирующих все стороны жизни человека; второй уровень представляет собой сферу эстетического отношения к истории, выраженное в «эпическом» и наделении ее атрибутами «легендарности», что выступает предпосылкой в стремлении понять ее во всей полноте и, как следствие, в стремлении к пониманию ее завершенности; третий уровень представляет собой сферу моральных оценок истории, основанных на конкретных исторических знаниях. Речь идет об узкоспециализированном интересе к прошлому и, как сказал бы Х.-Г. Гадамер, осознанности традиции своего способа осмысления истории; четвертый уровень представляет собой сферу исторического понимания и ответственного действия в текущей жизни, основанного на критическом осознании исторического опыта.

Нарративный подход к историческому сознанию

Исследования исторического сознания получили свое развитие в русле так называемой нарративной психологии или «нарративной психологии исторического мышления» [6–8]. Сторонники данного направления едины во мнении, что проблемы смыслообразования, памяти, исторической травмы и детравматизации, идентификации, наррации есть психологические процедуры. Утверждая, что психология одна из немногих наук, не подвергнувшихся активному влиянию постмодернизма, они делают важнейший акцент на разработке понятия «нарративная компетентность», понятая как способность исторического сознания конструировать нарративы, которые бы репрезентировали прошлое при учете настоящего и будущего с минимальными искажениями. Исследования исторического сознания должны быть направлены на конкретные психологические исследования «нарративной компетентности» (прежде всего детей и школьников), а также разработку практических рекомендаций по способам конструирования прошлого. Развивая позицию известного представителя нарративной психологии Дж. Брунера, немецкий исследователь Ю. Штрауб утверждает, что наррация – это центральная функция для психологии исторического смыслообразования. Историческое сознание, по мнению Ю. Штрауба, это теоретический

конструкт, принадлежащий словарю психологии исторического мышления, а теория исторического сознания однозначно рассматривается им как элемент более общей теории психологического конструирования исторического значения. Это заставило его признать нарратора (повествователя) объектом психологического анализа и, по сути, отдельно выделить понятие нарративной истины: «Что интересует нарратив в первую очередь – так это сам говорящий и его «ожидаемое» восприятие. Только в исключительных случаях нарратив интересует оценка исторического знания со стороны фактуальных и методологических стандартов профессии историка. Принятие подобных стандартов было бы непониманием статуса психологической истины» [8, р. 68]. Задача нарратора – придание смысла случайностям и «непредвиденным обстоятельствам» истории, утверждение нарративного порядка.

С психологических позиций смотрит на историческое сознание и К. Кёльбль, коллега Ю. Штрауба, правда акцентирующий внимание преимущественно на психологических интерпретациях исторического сознания молодежи [9]. Его интерес направлен на изучение психологических механизмов исторического смыслообразования в детском и юношеском возрасте.

Теория типов исторического сознания и исторической культуры Йорна Рюзена

На данный момент именно теория Й. Рюзена является самой популярной не только в германоязычной, но и в англоязычной среде. Более того, как и модель Гадамера, а также Ю. Штрауба и К. Кёльбля, модель Й. Рюзена стремится описывать историческое сознание не в статике, а в динамике. Основное отличие данной модели от предыдущих заключается в попытке соотнести историческое сознание с категорией времени и с социальной практикой, что вне всяких сомнений превращает данную модель в «онтологическую» по своему духу. Для Рюзена историческое сознание – это придание (смысла) значения опыту изменений во времени (*Sinnbildung über Zeiterfahrung*). Эта формула раскрывается Рюзеном в трех основных понятиях, характеризующих вообще способность человека мыслить исторически: а) способность иметь опыт темпоральной инаковости; б) способность интерпретировать; в) способность к ориентации и самомотивации.

Принципиальная позиция Й. Рюзена, как и большинства современных немецких исследователей, в невозможности четкого разделения

прошлого, настоящего и будущего. Более того, все три модуса времени, по его мнению, открыты друг другу, что означает, что «прошлое может стать лучше». При этом «улучшение» прошлого, по мысли Й. Рюзена, не следует отождествлять только с очередной интерпретацией хорошо известных фактов. Это трансформация опыта жизни, получающего новый статус и ориентирование исходя из перспективы другого, нового прошлого. Позиция Йорна Рюзена – это попытка применить и развить философию Юргена Хабермаса на почве исторической науки. Ориентируясь на идею Хабермаса о понимании «модерна как незавершенного проекта», Рюзен настаивает на необходимости синтеза рационализма и постмодернизма. По сути, он пытается вписать разум и рациональность в жизненный мир и эстетику постмодернизма.

К осмыслению проблем исторического сознания немецкий исследователь идет через проблемы кризиса исторической науки, преодоление которого видится ему через расширение познавательных целей исторической науки и превращение ее в средство для эффективного практического использования в настоящем. Это означает, что равно необходимы как модернистский (прошлое – часть настоящего), так и постмодернистский взгляд на прошлое (прошлое непроницаемо, разрыв настоящего и прошлого). Данный синтез, равно как и синтез рационализма и постмодернизма, представленного в историографии «новой исторической наукой» и нарративной философией истории, возможен только на путях некоей метаисторической точки зрения.

Любопытно, что метаисторическая точка зрения, по мысли немецкого исследователя, есть синтез идеи объективности, ориентированной на анализ опыта времени на основе источников и идеи нарративности (субъективности), под которой он понимает соотношенность исторического мышления с культурными практиками коллективной памяти и идентичности, показывает, как реализует себя историческое познание в практической жизни посредством своих нарративных форм. Говоря о необходимости метаисторической точки зрения как концепции универсальности исторического развития, которая должна «обобщить современный опыт растущего единого мира», Й. Рюзен в качестве фундаментального ее основания полагает универсальность ценностей. В одной из своих статей, недавно опубликованной в России, он пишет: «...нам нужна ведущая система ценностей, универсальная система ценностей, которая утверждает различие культур. Я считаю, что

существует фундаментальная ценность, которая должна быть внесена в стратегию исторической интерпретации, ценность, которая одновременно является как универсальной, так и обосновывающей разнонаправленность и различие. Я думаю о нормативном принципе взаимной признательности и признания различий в культуре» [10]. Только отыскание такого принципа в качестве основы для исторического смысла позволит, по мнению Рюзена, транслировать гуманность как последовательность истории.

Прошлое для Рюзена – это часть культуры памяти и деятельности исторического сознания, которое, и здесь он солидаризуется с постмодернистами, имеет нарративную природу. Особо отметим, что именно нарратив замыкает у Рюзена на себе и проблематику времени и проблематику исторического сознания. Само социальное время как человеческий опыт темпоральности получает смысл посредством процедуры нарратива. Исторический нарратив Й. Рюзен определяет как «систему мыслительных операций, определяющих поле исторического сознания» [11, р. 10], и добавим, связывающий интерпретацию и ориентацию.

Наиболее известной стороной концепции Й. Рюзена является его учение о четырех типах исторической наррации (и соответственно исторического сознания): традиционном, поучительном (*exemplary narrative*), критическом и генетическом. Пространством реализации исторической наррации и формой ориентации человека во времени, по мнению Й. Рюзена, как раз и выступает историческое сознание. Само историческое сознание понимается Рюзеном как совокупность ментальных операций (эмоциональных и когнитивных, сознательных и бессознательных), служащих цели соединения опыта прошлого, интерпретаций настоящего и ожиданий на будущее, формирующих практическое ориентирование в жизни. Конструирование (придание смысла) прошлого и, шире, времени посредством наррации и выступает основной функцией исторического сознания. Для характеристики этого Рюзен использует уже знакомую нам категорию «нарративной компетенции», понимаемой как способность к наррации, умение трансформировать опыт жизни в нарратив и посредством нарратива преодолевать и использовать его.

В последние годы Рюзен начал движение в сторону понятия «историческая культура», которая есть, по сути, и историческое сознание, схваченное в действии, и представляет собой все формы и способы восприятия прошлого в контексте настоящего и будущего. Сюда входят

и бессознательное, и политизация истории, различные аспекты запоминания, места памяти и идентичности [12, S. 218]. Необходимость перехода к концепту «исторической культуры», по мысли Й. Рюзена, связана с тем, что опыт времени переживается и интерпретируется в различных культурах по-разному: «История в том смысле, в котором ее понимаем мы, не может быть обнаружена во всех культурах и во все времена. Но в каждой культуре человеческий ум концептуализирует время по-своему и совершенно различным путем дифференцирует его измерения – прошлым, настоящим и будущим» [13, р. 8]. Замыкая исторический смысл на категории «историческая культура», Й. Рюзен предлагает понимать три указанных измерения исторического смысла как три сферы культурной практики – когнитивную, эстетическую и политическую.

Историческое сознание развертывается у него между борьбой непрерывности и прерывности, причем задача нарратива как важнейшего механизма исторического сознания как раз и видится Рюзеном в преодолении прерывности и конституирования связности и целостности «исторического полотна». Это означает, что смысловая структура исторического сознания постоянно претерпевает процесс разрушения, одной из наиболее явных форм которого является травма. В данном случае Рюзен пытается перенести психоаналитические методы в исторические науки. Говоря о разрушающемся историческом смысле и соответствующем ему типе наррации, немецкий ученый выделяет три типа кризиса: нормальный (исторические случайности включаются в повествование и приобретают смысл, ориентиры деятельности не разрушаются), критический (существенная трансформация исторической культуры, необходимость создания новой парадигмы исторического смысла), катастрофический (разрушение исторического смысла и способности его создавать в повествовании).

Таким образом, проблема исторического сознания во второй половине XX века занимает одно из приоритетных значений в немецкой философии и теории истории, а также социально-гуманитарном знании, что было вызвано не только особенностями роли данной категории в неклассической и постнеклассической философии истории, но и огромным резонансом проблемы «преодоления нацистского прошлого» в ФРГ после 1968 г. Социокультурная значимость проблемы исторического сознания способствовала тому, что во второй половине XX века большинство попыток философской концептуализации исторического сознания опирались

прежде всего на прикладные политологические, социологические, социально-психологические и педагогические исследования. Несмотря на огромный авторитет герменевтической философии, проблема исторического сознания в немецкой культурной среде испытала на себе влияние постмодерна, что выразилось в центральном значении проблемы нарратива. Вместе с тем интерпретации исторического сознания в немецкой социокультурной среде демонстрируют явную потребность синтеза основных достижений традиционного историзма, герменевтики и постмодернистской нарративной философии истории. Говоря о различных моделях исторического сознания, следует условно разделить их на статичные (изучающие преимущественно структуру) и динамические (изучающие трансформации исторического сознания). Укажем, что наиболее популярны сегодня последние, что связано с утверждением о понимании исторического сознания как единства всех трех модусов времени. Наиболее известной и теоретически разработанной моделью исторического сознания на современном этапе является модель Й. Рюзена, указывающая на широкое значение исторического сознания в практической жизни и предлагающая учитывать его социокультурные контексты.

Список литературы

1. Rusen J. The didactics of History in West Germany: towards a new self-awareness of historical studies // *Theory and History*. 1987. Vol. 26. P. 275–286.
2. Гадамер Г.Г. Текст и интерпретация // *Герменевтика и деконструкция* / Под ред. В. Штермайера, Х. Франка, Б.В. Маркова. СПб.: Фил. Общ-во, 1999. С. 202–243.
3. Гадамер Х.Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
4. Pandel H.-J. Geschichtlichkeit und Gesellschaftlichkeit im Geschichtsbewusstsein. Zusammenfassendes Resümee empirischer Untersuchungen // *Geschichtsbewusstsein empirisch* / Bodo von Borries (Hrsg.). Pfaffenweiler: Centaurus-Verl.-Ges., 1991. S. 3–15.
5. Borries B. von. Geschichtslernen und Geschichtsbewusstsein. Empirische Erkundungen zu Erwerb und Gebrauch von Historie. Stuttgart: Klett, 1988. 256 S.
6. *Geschichtsbewusstsein. Psychologische Grundlagen, Entwicklungskonzepte, empirische Befunde* / Ed. Jörn Rüsen. Vienna: Böhlau, 2001. 406 S.
7. *Theorizing Historical Consciousness* / Ed. by Peter Seixas. Toronto, University of Toronto Press 2006. 355 p.
8. *Narration, Identity and historical consciousness* / Ed. J. Straub. L.: Berghahn Books, 2005. 279 p.
9. Kölbl C. *Geschichtsbewußtsein im Jugendalter. Grundzüge einer Entwicklungspsychologie historischer Sinnbildung*. Bielefeld: Transcript Verlag, 2004. 389 S.

10. Рюзен Й. Утрачивая последовательность истории (некоторые аспекты исторической науки на перекрестке модернизма, постмодернизма и дискуссии о памяти) // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2001. Вып. 7. С. 8–27.

11. Rüsen J. History: narration-interpretation-orientation. L.: Berghahn Books, 2005. 223 p.

12. Rüsen J. Historische Orientierung; Über die Arbeit des Geschichtsbewusstseins, sich in der Zeit zurechtzu-finden. Cologne, Weimar, and Vienna: Böhlau, 1994. 265 S.

13. Rüsen J. Making Sense of Time. Toward a Universal Typology of Conceptual Foundations of Historical Consciousness // Time and History. The variety of Cultures / ed. J. Rüsen. L.: Berghahn Books, 2005. P. 7–19.

**THE PROBLEM OF HISTORICAL CONSCIOUSNESS IN THE GERMAN PHILOSOPHY
AND THEORY OF HISTORY IN THE SECOND HALF OF THE XX – FIRST HALF
OF THE XXI CENTURY**

A.A. Linchenko

The paper analyzes the main models of historical consciousness prevailing in German philosophy and theory of history in the second half of the XX century. A comparative analysis of static and dynamic models has been performed. The author identify the key trends in the problem of historical consciousness in the German philosophy and historiography in the early XXI century.

Keywords: historical consciousness, historical experience, narrative, identity, historical culture.